

Напоминание о Швейке

НА СНИМКЕ: Я. Гашек — начальник фронтальной типографии, сотрудник и секретарь партийной ячейки редакции газеты «Наш путь» 5-й армии. Уфа. 1919 год. Фото ТАСС.

зы — фельдкурты Отто Кац, Яцина, Ибль, Мартинец... Вслед за Вольтером Гашек нанес чувствительный удар по католической церкви.

Показывая разные учреждения австро-венгерского государства, Гашек вдрязг высмеял оплот буржуазной демократии — парламент, депутатов всевозможных политических оттенков. В главе, где описывается сумасшедший дом, Швейк простодушно замечает: «Каждый там мог говорить, что хотел, что ему приходило на язык, словно был в парламенте».

Где глупость образец, там разум безумие. Отсюда естественная реакция здравомыслящего человека на окружающее — смех, ирония. Вот почему о бравом солдате с полным основанием можно сказать: умен, но притворяется дураком. В центральной фигуре романа, как известно, много от биографии самого автора, от жизни его знакомых, многих представителей трудового народа, которому присущи здравый ум, трезвая оценка людей не по словам, а по их делам, сметливость, лукавство, чувство юмора. Швейк — герой из народа с типическими чертами нашего Иванушки-дурачка, который морально превосходит своих притеснителей. В одном швейковском приговоре «Осмелюсь доложить» великолепно выражена внешняя почтительность к безголовому начальству и внутреннее презрение к нему.

В историю литературы книга о Швейке вошла прежде всего, как одна из антивоенных. Финский писатель Марти Ларни выразил убеждение, что если бы роман Гашека изучался в военных академиях, то это способствовало бы воспитанию мирного мышления, ироническому отношению к войне и военной касте. Уби-

вать людей, в принципе, занятие глупое, а в ядерный век война — преступное безумие. Однако в книге Гашека нет пацифизма. Писатель не выступает против тех, кто с оружием в руках защищает справедливое дело. Он против войн грабительских, несправедливых, и эта позиция доказана и книгой, и делом, когда автор создавал интернациональные отряды для защиты завоеваний Октябрьской революции. Не случайно Юлиус Фучик заметил, что Швейк наполовину рожден Россией.

Ярослав Гашек был коммунистом-газетчиком, пламенным агитатором за новую жизнь в молодой Республике Советов, но по возвращении в буржуазную Чехословакию не мог продолжать начатое дело. Здесь, в начале 20-х годов его партийной работой по праву следует считать работу над книгой о Швейке — итогом большого творческого пути. Гашек умер в самом начале 1923 года, не дописав роман и не дожив до сорока лет... Все его творчество служит и сегодня делу борьбы с милитаризмом, с буржуазной политикой и моралью. Его «слезоточивый газ» смеха, по выражению одного из современников писателя, активно действует и против мелкобуржуазных пережитков в нашей среде, против чванства и угодничества, недальновидности.

«Буржуазное общество еще существует, — писал сатирик. — Приходится констатировать. Но это последние судороги обреченного мира. Не будем относиться к нему слишком серьезно».

— Но почему же? — спросим сегодня мы. — Ведь нынешний классовый враг силен, коварен и вовсе не так глуп, как во времена Франца Иосифа I. Все правильно. Но, принимая это обстоятельство во внимание, не будем забывать вещей слов Маркса о том, что человечество весело расстается со своим прошлым.

Ярчайшее тому подтверждение — творчество Я. Гашека, К. АФАНАСЬЕВ.

Есть предположение, что литературным источником образа Швейка была юмореска одного из современников Гашека про braveго пехотинца, который после команды «Шагом марш!» промаршировал вокруг земного шара, потому что капрал позабыл командовать ему «Стой!» Усердие не по разуму, отсутствие здравого смысла в поступках людей — постоянные мишени фольклора и сатириков всех времен. Вспомним так называемые «плутовские романы» или «Похвалу глупости» Э. Роттердамского, «Корабль дураков» С. Бранта, ученых педантов Дж. Свифта, глуповцев Шедрина... В одном ряду с великими художественными образами Дон-Кихота, Уленшпигеля, Гулливера, Пиквика встал и braveй солдат Йозеф Швейк — бессмертное создание чешского писателя-интернационалиста Ярослава Гашека.

Проблема человеческой глупости лишь на первый, поверхностный взгляд кажется мишенью ближнего прицела, явлением частным, чисто психологическим. В. И. Ленин смотрел на нее глубже, с социальной точки зрения. Ильючу понравились строки поэта С. Надсона о дураках:

Если б был бы я царь,
Я б построил им дом
И открыл в нем дурацкий музей,
Разместивши их всех по
чинам за стеном
В назиданье державе моей.
Но для чего нужно показывать дурака? Отнюдь не из

праздного зубоскальства. Лепнина интересовала глупость, как порождение всякого эксплуататорского государства, стремящегося сохранить видимость величия того, что стало ничтожным и ретроградным.

Ярослав Франтишек Гашек смолоду назубок изучил «дурацкие дела» австро-венгерской монархии, а после первой мировой войны, пройдя школу политработника в революционной России, столь же досконально разобрался в малопривлекательных делах чехословацкой буржуазной республики. «Мордастый» император Франц Иосиф Габсбург, зарекомендовавший себя общепризнанным идиотом, словно воплотился в себе нелепость исторически изжившей себя «лоскутной империи». В «Положениях braveго солдата Швейка во время мировой войны» достается на орехи и другим коронованным властителям — Вильгельму II, русскому царю.

В книге о Швейке выведена целая галерея солдафонов всех чинов и рангов преимущественно из дворянства — от поручика по фамилии Дуб до кретинов в генеральских эполетах, один из которых страшно любил смотреть, как солдаты рассчитываются на «первой-второй», а другой, инспектируя воинские части, интересовался только отхожими местами. Среди экспонатов дурацкого музея «Старая Австрия» и его «пропагандистские кадры» — военные ксенд-